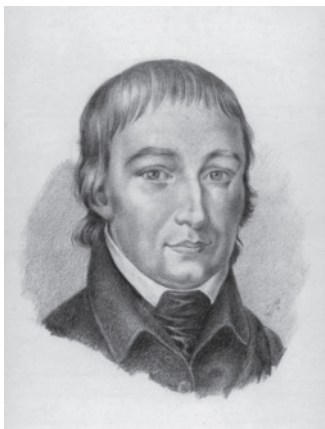

О. С. Плотникова (Москва)

ВАЛЕНТИН ВОДНИК И ЕГО СЛОВЕНСКАЯ ГРАММАТИКА

1. Введение

В 1811 г. в Любляне была опубликована первая в истории словенских земель школьная грамматика словенского языка на словенском языке. Ее автором был выдающийся деятель словенского национального возрождения — поэт, писатель, журналист, переводчик, лингвист, учитель, автор учебных изданий на словенском языке — Валентин Водник. В силу исторических причин труд Водника не стал резонансным. Имеющиеся оценки и элементы анализа грамматики относятся уже к XX–XXI вв. и, к сожалению, не дают нам полной картины. Вместе с тем грамматика Водника — это драгоценный источник сведений о языковой ситуации, состоянии литературной нормы и проблемах стандартизации словенского языка на рубеже XVIII–XIX вв. Целью данной статьи является

Илл.1. Валентин Водник

всесторонний анализ грамматики Водника в историческом ракурсе. Такой подход, как нам представляется, призван показать своеобразие понимания нормы и нормативной функции грамматики на определенном этапе развития литературного языка.

2. Валентин Водник как деятель словенского национального возрождения

Валентин Водник родился 3 февраля 1758 г. в селе Шишка под Любляной (сейчас это один из районов Любляны), умер 8 января 1819 г. в Любляне. Водник, как и многие великие словенцы (Ерней Копитар, Франце Прешерн, Фран Миклошич, Иван Цанкар), — выходец из крестьянской семьи. После окончания люблянской гимназии в 1775 г. вступает в орден св. Франциска, в 1782 г. изучает философию в монастыре Нового Места, теологию в Люблянском монастыре и на Святой горе под Горицей (Leksikon 1982: 386). В гимназии овладевает немецким, латинским, французским и итальянским языками. В старших классах гимназии посещал словенистический кружок Марко Похлина, где овладевал словенской грамотностью и основами стихосложения, к этому времени относятся и его первые поэтические опыты (Koruz 1977: 9–10, 24). Как францисканский проповедник он до 1797 г. служит в разных местах Нижней и Верхней Краины. В 1796 г. при содействии барона Сигизмунда Цойса, с которым познакомился в 1793 г. в Копривнике вблизи Бохиня, получает место капеллана в церкви св. Иакова, переезжает в Люблян, где с 1798 г. начинает преподавать поэтику в гимназии и вскоре расстается с францисканцами.

Водник становится одним из самых активных и ярких проводников в жизнь идей просвещения и национального возрождения. Иван Приятель, перу которого принадлежат фундаментальные исследования по историко-культурной ситуации в словенских землях с середины XVIII до середины XIX в., определяет словенское возрождение как культурное и, прежде всего, литературное движение, целью которого является эмансипация словенцев как отдельного народа с единым национальным самосознанием (Priatelj 1935: 1). В развитии словенского национального возрождения выделяются два этапа: начальный с середины XVIII в.

по 1-е десятилетие XIX в. и завершающий — со 2-го десятилетия XIX в. до 70-х годов XIX в. (Плотникова 1978: 334). Задачами первого этапа были: борьба за равноправие родного языка, расширение функций литературного языка, его грамматическая и лексикографическая обработка, выработка единых норм, обогащение лексического состава.

В успешном решении этих задач особая роль принадлежит Валентину Воднику. По рекомендации Марко Похлина Антон Феликс Дев приглашает его принять участие в первом словенском альманахе светской поэзии «Письмена прекрасных искусств» (*Pisanice od lepeh umetnost*). В первом выпуске «Писаниц» (*Pisanice*) (1779, 1780) опубликовано одно из ранних стихотворений Водника, написанное по случаю отъезда Похлина из Любляны в Вену. В третьем выпуске четыре публикации, в том числе и его знаменитое стихотворение «Довольный крайнец» (*Zadovoljni Kranjec*), которое позже он неоднократно корректировал. Собственный сборник поэзии «Поэтический опыт» (*Pesme za pokushino*), куда вошли и стихотворения, публиковавшиеся в редактированных им периодических изданиях, Водник публикует лишь в 1806 г. В поэзии Водника используется силлабо-тоническая система стихосложения, характерная для словенского народного творчества. Живость, непринужденность слога, яркая образность позволяют считать его предтечей Франце Прешерна.

Неоценим вклад Водника в зарождение и развитие словенской публицистики и журналистики. В 1794 г. Цойс обратился к Воднику с предложением взять на себя подготовку и редактирование нового периодического издания «Большого календаря» (*Velika pratika*), предназначенного для просвещения народных масс. Календарь, издававшийся с 1795 по 1797 г., содержал познавательные и развлекательные тексты с разнообразной тематикой, в числе которых особое место занимает описание достопримечательностей словенских земель. С 1798 по 1803 г. издается «Малый календарь» (*Mala pratika*). По инициативе издателя Янеза Фридерика Эгера с 1797 г. в Любляне начинает издаваться первая газета на словенском языке «Люблянские новости» (*Lublanske novice*), редактором, составителем и автором текстов которой становится Валентин Водник. Газета выходила два раза в неделю и включала

иностранный политическую хронику, новости внутренней жизни, статьи по хозяйственной деятельности, различные объявления, разделы юмора и поэзии.

Водник, еще будучи францисканским священником, во время своих поездок по словенским землям собирает диалектную лексику. В 1794 г. он начинает работать над новым двуязычным словарем. Первоначально он собирался подготовить словенско-немецкий словарь, но в дальнейшем все же остановился на немецко-словенском. При работе над словарем он вслед за Цойсом исходил из следующих принципов: в словаре должна быть представлена лексика из всех словенских областей, в случае необходимости словарь может пополняться грамматически адаптированными заимствованиями из других славянских языков и новообразованиями. Первый вариант словаря был готов в 1806 г., но Водник, осознавая, что во многих случаях не нашел нужных соответствий, решает продолжить работу над словарем, в 1813 г. появляется реклама уже немецко-словенско-латинского словаря. Лексику словаря он пополнял до 1817 г., однако словарь так и не был издан (Modic 1909: 415). Богатейший материал словаря Водника (139488 слов) лег в основу «Немецко-словенского словаря» (*Deutsch-slovenisches Wörterbuch*), изданного под редакцией Матии Цигале в 1860 г., а позже был использован в знаменитом двухтомном «Словенско-немецком словаре» (*Slovensko-nemški slovar*) Макса Плетершника (102000 словарных статей), изданном в 1894, 1895 гг. (Merše 2003: 220–223).

В 1799 г. Водника как блестящего стилиста и уникального знатока словенской лексики приглашают принять участие в работе редакционной комиссии по подготовке к изданию нового перевода Библии. Редактирование текста было завершено в 1804 г. Водник начинает работать над своей немецкой грамматикой словенского языка. На основании исследования рукописного наследия Водника делается вывод, что основной текст грамматики был готов уже в 1807 г., а синтаксис написан в начале 1808 г. (Modic 1909: 451). По просьбе Ернея Копитара, автора первой научной грамматики словенского языка, Водник делает корректуру текста его грамматики и составляет для него списки слов всех неизменяемых частей речи (Kopitar 1808: 366–384), готовит также этимологическое

приложение, от которого Копитар позже отказывается (Kidrič 1929: 431). Грамматика выходит в начале 1809 г. с датой издания 1808 г. Водник счел нецелесообразным издавать свою грамматику сразу же после публикации грамматики Копитара.

3. Взгляды Водника на словенский язык и языковую ситуацию

В «Люблянских новостях» с 18 октября 1797 г. по 4 апреля 1798 г. в рубрике «Рассказы о славянском языке» (*Povedanja od slovenski-ga jezika*) Водник публикует серию статей, которые расцениваются как первый большой текст на словенском языке с манифестацией идей словенского национального возрождения (Kidrič 1929: 321). Здесь Водник в качестве важнейших задач указывает на необходимость борьбы с германизмами и обогащения словарного фонда языка книжности народной диалектной лексикой, целесообразность выработки единых норм и создания грамматики и словаря, в которых бы крайний (словенский) язык предстал во всей своей чистоте. Так, в 1797 г., возражая против утверждений, что словенский язык лексически беден, Водник пишет: «Краньский язык сам по себе богат, лишь у людей скудный запас слов, потому что они мало из того помнят, чему их мать учила»¹ (Wiesthaler 1890: 185). сетует, что в словенской книжности XVIII в. нет единства норм и каждый писатель пишет так, как ему заблагорассудится: «<...> обращались с языком, как свинья с кузнечными мехами»² (Ibid.: 59). Критикует Марко Похлина за его нововведения, отход от старых традиций (Ibid.: 60). Предвосхищая своих современников, Водник выступал за сближение словенских диалектов в одном, общем для всех литературном языке. В 1799 г. в неопубликованном предисловии к своей «Поваренной книге» (*Kuharske bukve*) Водник предупреждает об опасности регионализма, наблюдающегося в словенской книжности XVIII в.: «В этой книге почти все

¹ *Kranjski jezik je sam na sebi bogat, le ljudje so revni na besedah; zato ker premalo spomina imajo na to, kak ih je mati učila.* Все высказывания Водника о словенском языке были собраны и изданы в 1890 г.

² *<...> inu s krajnskimi pisanjam delali, kakor prešič z meham.*

слова краньского славянского происхождения с той лишь разницей, что не везде они используются. Кто может меня за это упрекнуть, зачем мне у других побираться, когда я могу все у себя дома найти, поправим ли мы когда-нибудь наш язык? Если и дальше все так пойдет, то мы дождемся, что горенец, доленец и нотранец не будут понимать друг друга»³ (Modic 1909: 419).

4. Борьба Водника за словенский язык в школах

Новая страница в жизни и творчестве Валентина Водника начинается в 1809 г. Австрия, потерпев поражение в войне с Наполеоновской Францией, теряет территорию Внутренней Австрии. Согласно мирному договору, заключенному 14 октября 1809 г. в Шенбрунне, Франция получает области Горицы, Тржича Триеста, Крайны, Беляка, части Хорватии и Истрии. В этот же день выходит декрет о создании Иллирийских провинций, в состав которых, помимо перечисленных земель, входит и часть Далмации с Дубровником (Чуркина и др. 2011: 129). Любляна становится столицей новой государственной формации. 4 июля 1810 г. губернатор Иллирийских провинций маршал Мармонт издает указ, заложивший основы новой системы образования, предусматривающей введение единообразной модели обучения, которая бы вне зависимости от различия языков в Иллирии обеспечила подготовку учащихся к государственной службе и овладению профессией. Предполагалось открыть большое количество народных (начальных) школ, 25 гимназий, лицей в 9 городах, причем лицеи в словенской Любляне и хорватском Задаре рассматривались как высшие учебные заведения. Преподавание в народных школах и в гимназиях предполагалось вести на местном языке, а в двух центральных лицеях — на французском (Prijetelj 1911: 417–418).

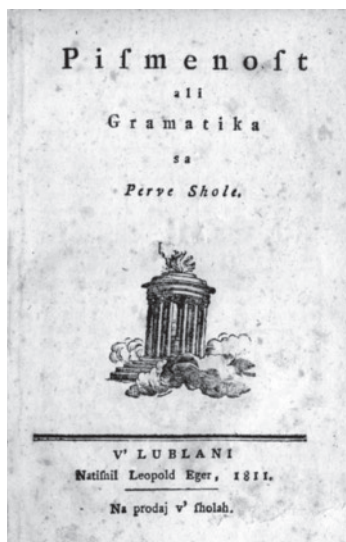
³ *Moje besede v'teh bukvah skoro vse krajnskiga flovenskiga roda s'tem razlozham, da se povsot v' nashih desheli ne govore. Ali ima pa zavoljo tiga meni kdo kaj ozhitati? Bom li drugam hodil imena berazhit kadar jih doma najdem? Ne bomo li nikol nash govor popravili? Ako bi ta rezh tako naprej shla, bomo doshiveli, de nebedo gorenc, dolenc inu notrajnc eden drugiga saftopili...*

Окрыленный новыми возможностями расширения функций словенского языка, ведь впервые после краткого периода преподавания на словенском языке в протестантский период словенский язык становится языком обучения, Водник начинает подготовку учебных пособий на словенском языке, становится директором люблянской гимназии и смотрителем начальных и ремесленнической школ.

Преподавание должно было начаться в ноябре 1810 г., но уже в сентябре у Водника были готовы рукописи трех учебников на словенском языке: дополненный перевод с немецкого его собственной грамматики, авторизованный перевод с французского грамматики французского языка и вероучение для иллирийских земель. Опубликованы они были в начале 1811 г. Водник вручает свою словенскую грамматику новому губернатору Берtrandу и присовокупляет к ней ноту, адресованную французским властям. Написание специальной ноты было вызвано возникшей неясностью, какой именно язык

французы рассматривают в качестве провинциального, или местного. В Любляну по приглашению властей приезжает из Дубровника хорват-штокавец Сиврич, и у словенцев возникает подозрение, что французы собираются в словенских землях ввести преподавание вовсе не на словенском, а на сербском языке.

В ноте Водник пишет, что для иллирийцев, учитывая их объединение, культуру и народность, главным желанием является единство и общественное признание их языка, который делится на два наречия, сербское и словенское. Эти наречия между собой так же близки, как, например, фриульское и венецианское. Явно преувеличивая, утверждает, что в повседневном общении все понимают друг друга, различия касаются только терминологии

Илл. 2. Грамматика В. Водника

и одной пятой части лексики. Преодолеть это должны помочь специальные сравнительные словари и грамматики, а начать можно с учебников родного языка с унифицированной терминологией по образцу грамматики Смотрицкого, что и было сделано автором ноты. Немногие отступления от выбранной модели объясняются желанием автора сделать словенский термин понятным и сербу. «А до тех пор, пока мы не протянем друг другу руки, пусть акты переводятся на оба наречия или <...> так, чтобы были понятны всем»⁴, — заключает автор ноты (Priatelj 1911: 321–323). Здесь Водник опережает не только своих современников, но и само время. Нота и грамматика как образец сближения возымели свое действие. Сиврич покидает Любляну, словенский язык становится языком обучения в словенских начальных школах. Однако задуманная реформа была реализована из-за недостатка финансов и учителей словенского языка лишь частично. Самым главным трудом Водника в этот период была его словенская Грамматика «Письменность, или грамматика для начальных школ» (*Pifmenoft ali Gramatika sa Perve Shole*) (Vodnik 1811).

5. Словенские грамматики до Водника

В словенских землях с начала XVIII до начала XIX в. было издано (вместе с переизданиями) семь грамматик. Дважды переиздана на латинском языке без введения (1715, 1758) протестантская грамматика XVI века (1584) Адама Бохорича. На немецком языке изданы: грамматика Марко Похлина (1768, 1781), грамматика Ожбальта Гутсмана (1777), грамматика Ернея Копитара (1808). Михаил Загайшек (псевдоним Юрий Зеленко) издал в Целье двуязычную грамматику на немецком и словенском языках (1791). В крайнской грамматике Похлина впервые явственно выражены идеи национального возрождения, вводится в именную парадигму творительный падеж, но все еще присутствуют давно утраченный звательный падеж и аблатив вместо местного падежа.

⁴ *Dotlej pa, dokler si ne podamo rok, se naj prevajajo akti ali v obe narečji za vsako teh dveh strank posebej, ali pa se naj najde spretna roka, ki bi si mogla upati prirediti prestavo tako, da bo razumljiva obema.*

Отмечаются переводы немецкой лингвистической терминологии на словенский язык (напр., *zherka* 'буква', *fatoglasni* 'гласный', *skupglasni* 'согласный', *noben spoll* 'средний род'). Похлин опирается на узколокальную базу люблянского идиома, меняет графические символы для обозначения свистящих и диграфы для шипящих, разработанные в протестантский период (бохоричица), необоснованно употребляет двойные согласные и новые согласные *y*, *w*, сохраняет артикль и другие германизмы. Гутсман вводит в именную парадигму отдельные особенности каринтийских диалектов. Загайшек (Зеленко) в описании грамматического строя всецело опирается на грамматику Похлина (графика, артикли, парадигмы), использует много диалектных штирийских черт. Словенский текст и терминология явно неудачны. Копитар — автор первой в словенистике научной грамматики. Основное внимание уделено проблемам истории словенского языка, описанию же синхронных норм словенского языка отводится значительно меньше места. Судя уже по названию грамматики, описанные им нормы, так же как и у протестантов, предназначаются для Крайны, Штирии и Каринтии. В фонетической части Копитар кодифицировал гореньскую систему вокализма с противопоставлением долгих и кратких гласных, открытых и закрытых монофтонгов *é / è, ó / ò, ò*, восстановил нарушенную Похлином систему графем. В морфологии отразил варьирование отдельных форм. Копитар первым в славистике выделил как особую категорию перфективные и имперфективные глаголы.

6. Оценки и анализ грамматики Водника

Грамматика Водника в ряду этих грамматик занимает особое место. Она имеет вполне определенного адресата (учащиеся начальных школ и их учителя). В рукописном названии грамматики указано, что она предназначена «<...> для словенских школ в Крайне и Каринтии в Иллирии» (Ahačič 2015: 18). Штирия здесь не упоминается, т. к. не входила в состав Иллирийских провинций. В силу особенностей жанра грамматика Водника синхронно ориентирована и не имеет пространного введения с описанием проблем и состояния языка в предшествующие периоды. Она описывает

нормы центральнословенской модели словенского литературного языка. В отдельных случаях в комментариях приводятся диалектные варианты. Грамматика содержит не только разделы фонетики и морфологии, но и разделы синтаксиса, словообразования, пунктуации, обладает ярко выраженным дидактическим (нормативным) характером с отдельными элементами прескрипции, направленными на устранение германизмов.

В словенистике грамматике Водника уделяется незаслуженно мало внимания, оценивается она позитивно, но скупо. Так, Фран Рамовш указывает, что образцом для выработки структуры и словенской терминологии, которая очень хороша, Воднику послужили грамматики Смотрицкого и Ломоносова, отмечает влияние грамматики Копитара, адекватность грамматического материала, понятность и гладкость языка. Как нововведение называет раздел словообразования. Особо выделяет в качестве непреходящей ценности чистоту языка Водника (Ramovš 1971: 233). Бреда Погорелец в качестве заслуг Водника указывает, что он в своей грамматике впервые определил тонический характер словенского литературного ударения, заложил основы словенской лингвистической терминологии, описал синтаксис. Особого внимания заслуживает эксплицитно выраженный взгляд на эстетичность литературного языка (Pogorelec 2011: 79). Козма Ахачич отмечает, что Водник первым дал четкое определение литературного языка как языка, который следует учить (Ahačič 2015: 22). Йоже Топоришич, подробно описывая структуру грамматики и основное содержание каждой из частей, особое внимание уделяет разделу синтаксиса, отметив, что Водник рассмотрел не только синтаксис словосочетаний, но и впервые в словенистике синтаксис предложения и синтаксические функции частей речи (Toporišič 1987: 23). Отдельные замечания автора нами будут рассмотрены ниже.

Грамматика Водника объемом в 190 страниц содержит, помимо грамматического описания всех частей речи, словообразования, синтаксиса и пунктуации, составленный автором словенско-латинский словарь использованной в тексте специальной лексики (360 лексем). Грамматике предпослано небольшое **предисловие** (с. III–VIII), в котором автор подчеркивает, что знание родного языка является первой ступенью на пути к высоким

знаниям и «<...> нужно начинать все науки на том языке, которому нас мать учила» (с. III)⁵. В предисловии размещено также несколько дополнений из основной части прескриптивного характера, отражающие борьбу Водника с синтаксическими германизмами, напр., *ne jej* ‘не ешь’ вместо *nimaſh jéfti* ‘ты не должен есть’ (с. VII); *kupzhia ga je obogátila* ‘торговля его обогатила’ вместо *kupzhia ga je ſturila bogátiga* ‘торговля сделала его богатым’ (с. VIII).

Затем отдельно на четырех непрономерованных страницах следует ода Водника «Возрожденная Иллирия» (*Iliria oshivlena*), воспевающая прежде всего народ Иллирии, а не Наполеона. После возвращения иллирийских земель в свое лоно австрийские власти из большей части экземпляров грамматики изымают оду и предисловие.

Собственно грамматическое описание Водник начинает с определения понятия «грамматика», указывая, что «грамматика учит правильно говорить и писать»⁶ (Vodnik 1811: 1). Особый интерес представляет раздел 3, где рассматривается **графика** и **фонетика**. Водник различает долгие и краткие гласные и, принимая как норму противопоставление долгих открытых (широких) и закрытых (узких) *e* и *o*, кодифицированную в грамматике Копитара, описывает их артикуляцию. Артикуляционные свойства словенского «полгласника», обозначаемого буквой *e*, им описаны, вероятно, с учетом диалектных вариаций: «Безударный *e* произносится так, что нам не ясно, что это за звук — *a*, *e*, *i*, *o* или *u*»⁷ (Ibid.: 3). В разделе долгих и кратких гласных на с. 4 Водник размещает свое открытие⁸ — тонический характер ударения на долгих вокалах: «Долгие

⁵ <...> je tréba sazhéti vſe navuke ſ'tifto beſédo, ktiro naſ je mati vuzhila.

⁶ Pifmefoſt vuzhí prav govoriti ino piſati.

⁷ Presgláſjen *e* je iſrédzhe tako de ne vémo, je li *a*, *e*, *i*, *o* al *u*.

⁸ Бинарное противопоставление по тону в рамках долгого вокализма — отличительный признак гореньских диалектов. Водник открыл тоническое ударение еще до 1807 г., о чем Копитар был осведомлен и позже мог обратить внимание Вука Караджича на это свойство вокализма (Toporiſiĉ 1987: 22).

гласные двойного вида, одни высокие, другие низкие»⁹. Знак (˘) у него обозначает циркумфлексную интонацию, для которой характерен в начальной стадии высокий тон, знак (˙) — акутовую интонацию, для которой характерен в начальной стадии низкий тон. В качестве примера приведена поговорка *jutrišnji dan nam kruh šhe ni dan* ‘завтрашний день еще не означает, что будет хлеб дан’. Представляется неправомерным замечание Топоришича, что у Водника нет ясного представления ни о количественных различиях гласных, ни об их обозначениях и что смешение надстрочных знаков после публикации грамматики Копитара является «страшным регрессом» (Топоришич 1987: 22). Аргументом для такого вывода послужило совпадение надстрочных знаков для обозначения циркумфлексной интонации на долгом вокале и краткости гласного, а также ошибка, допущенная Водником в печатном тексте, но потом же им самим от руки исправленная в описании открытого и закрытого вокалов *ò, ó* в параграфе 4 на с. 3. Надстрочные знаки (а их всего два) для обозначения тономов, количественных различий гласных *a, i, u* и качественных различий долгих *e, o* действительно совпадают. Но здесь надо говорить скорее о полифункциональности этих знаков, а не их смешении. Водник это понимал и на с. 5 отмечает, что знаки для обозначения тономов обычно не используются, кроме случаев, когда это нужно для смыслоразличения¹⁰. На с. 3 пишет, что знаки, указывающие на место ударения, на количественную характеристику гласных и на открытый характер *è* и *ò*, используются в словарях и грамматиках, а написание с надстрочным знаком закрытых *é* и *ó* обязательно везде.

Диалектную депалатализацию этимологически мягких *l* и *n* Водник не отражает и предлагает написание с *j*: *volja, konj*. В фонетической части рассматривается также структура слога и редукция. Водник отмечает частые случаи утраты конечных гласных в разговорной речи и предлагает их при записи фиксировать апострофом, например *kaj t' je na ozhefu?* ‘что у тебя с глазом?’. В разговорных

⁹ *Dolgi fo dvojni, eni predtégneni drugi satégneni*

¹⁰ «<...> кроме случаев, когда есть опасность какой-нибудь ошибки» <...> *rasun ako je nevarnoft kakšhine potóte* (Vodnik 1811: 5).

произносительных нормах для Водника важно благозвучие. Так, в многосложных словах он рекомендует ради красоты *savol lepšhiga* редуцировать срединный безударный гласный: *imenvan̄tu* вместо *imenovan̄itu*¹¹.

В **морфологии** (с. 9–114) представлены все части речи и их категории. Каждая из частей речи и категория характеризуется и иллюстрируется примерами. В разделе имен существительных рассмотрены категории рода, числа, падежа и четыре типа склонения. Разработаны семантические и формальные критерии, по которым определяется род существительных. Приведены лексемы с вариативной принадлежностью к мужскому и женскому роду. В категории числа отражена норма, согласно которой парные существительные нейтрально употребляются во множественном числе, а при подчеркивании двойственности — в двойственном: *s' rokami dershim* 'держу руками' — *s'obema rokama dershim* 'держу обеими руками' (Vodnik 1811: 13). В склонении существительных подробно описаны все типы расширения основ и непродуктивные явления во флексиях. Указано, что творительный падеж в словенском языке всегда употребляется только с предлогом.

В склонении имен существительных мужского и среднего родов особого внимания заслуживают флексии Lsg и Ipl, отраженные в словенских грамматиках вариативно. У Водника во всех парадигмах мужского рода в Lsg представлена флексия *-u*, аналогично и в среднем роде *per rak-u*, *per del-u*. В грамматике Ожбальта Гутсмана варьируют флексии *-i*, *-u*: *per Gospudi*, *auch du*, *per pastirji*, *ju*, *-i per vini* (Gutsman 1777: 8). В грамматике Копитара также представлены обе флексии, но в иной последовательности *per rak-u* (*rak-i*), *kraj-u* (*kraj-i*), *ferz-u* (*ferz-i*), *del-u* (*del-i*), но *poſlu*, *bobnu*, *moshu*, *tatu* (Kopitar 1808: 221–237). Варьирование флексий *-u*, *-i* представлено во всех словенских грамматиках XIX в., в том числе и в грамматике Антона Янежича, отражающей новые нормы после реформирования литературного языка, однако Фран Миклошич в словенской части своей сравнительной грамматики дает только флексию *-u*. Судя по историческим и диалектным материалам, приведенным в грамматике, Миклошич, обладая даром лингвистического

¹¹ Дательный падеж от прилагательного *imenovani* 'называемый'.

предвидения, учел общую тенденцию к выравниванию форм Lsg по формам Dsg (Plotnikova 2013: 310–311). Водник, который сам в своих прозаических произведениях употреблял формы на *-i*, хорошо зная диалектный материал, видимо, также обратил внимание на эту тенденцию. Не исключено, что это и одно из проявлений его собственной программы языкового сближения с другой ветвью иллирийцев. В любом случае эта норма прескриптивна и ориентирована на будущее. Форма Ipl у Водника отражена с флексией *-mi*: *s' rak-mi*, *s' kraj-mi*, *s' Bogov-mi*, в среднем роде *del-mi*, однако в комментариях указывается, что многие существительные имеют флексию *-i*: *s' lepimi raki vam postreshem* 'угощу вас прекрасными раками', у существительных с беглым *e* [э] в финали *prijatel* — *prijatla* вместо *-mi* также представлено *-i*: *s' prijatli*, *s' bobni* «*zavolj kraifiga ino lephiga*» 'чтобы было короче и красивее'. В грамматике Похлина представлена флексия *-ami*: *S' temi Krayl-ami*, *s' temi fant-ami* (Pohlin 1768: 24–25), так же в грамматике Гутсмана *s' Gospudami*, у Загайшека (Зеленко) отражены все три флексии *-mi*, *-i*, *-ami*: *is timi gospodmi*, *gospodi*, *gospodami* (Zagaišek 1791: 39). В грамматике Копитара в таблице флексий также отражены все три флексии: (*-ami*), *-mi* oder *-i*, а в парадигме две формы в последовательности *rak-i* (*rakmi*), *kraj-i* (*krajmi*) (Kopitar 1808: 220–221).

В разделе прилагательных у Водника отражены, так же как у Копитара, флексии с элементом *-i* в косвенных падежах: *lep-iga*, *lep-imi* (у Похлина *-ega*, *-emi*). В парадигме среднего рода в именительном и винительном падежах множественного числа представлена гореньская форма *lep-e* (*-a*), а в комментарии форма в скобках поясняется следующим образом: «Доленцы и часть Нотраньской образуют множественное число среднего рода с помощью окончания *-a* и в этом похожи на других славян»¹² (Vodnik 1811: 39). Отражена также еще одна гореньская особенность — неизменяемость форм сравнительной степени по роду в Nsg (*lephsi*), а в пределах женского рода и по падежам.

Числительные Водник делит на субстантивные и адъективные: «Числительные — это счетные имена и прилагательные, которыми

¹² *Dolenzi ino en dél Notrine deshel delajo mnoshni fredni spol s' konzam a <...> v'timu fo drugim Slovenzam podobni.*

мы определяем другие имена»¹³ (Vodnik 1811: 45), внутри каждого из типов приводятся семантические разряды. Наименование тысячи представлено тремя лексемами — *jesar, tavshent, tifuzh*, у Копитара только *tavshent*. В личных местоимениях особенностью является форма 1-го лица ед. числа *jes* и дв. числа *ta* для м. и ср. рода и *mi, me* для ж. рода, у Копитара *jest (jes)* и в дв. числе соответственно *ta, me* и *mi dva, me dve* (Kopitar 1808: 280–281).

Раздел с глаголом занимает почти сорок страниц. Охарактеризованы все глагольные категории. Дана классификация глаголов по финалям форм настоящего времени по образцу грамматики Копитара вместе с формообразованием, однако более детализированно и с учетом особенностей акцентуации. Отражено варьирование форм глагола *biti: bom, bodem; bote, bodete, bofte; bodo, bodejo, bojo*. Кроме имперфективных и перфективных глаголов, которые Водник называет соответственно *delavni < delati* ‘делать’ и *sturivni < storit* ‘сделать’¹⁴, он выделяет еще третью группу глаголов, называя их *dopolnivni* ‘дополняющие’, в которых первое или второе значение осложнено каким-то дополнительным оттенком: целостности, возможности, интенсивности, быстроты, внезапности¹⁵. Он увидел здесь то, что только в следующем столетии будет разрабатываться в рамках теории способов глагольного действия. Однако примеры, приводимые в третьей группе, не всегда удачны, на что обращает внимание Майда Мерше (Merše 1995: 15), а Топоришич полагает, что здесь нечетко выражено отличие вида от способа глагольного действия (Топоришич 1987: 22). Ценно замечание Водника, что формы

¹³ *Shtevilne imena so tifte, s' ktirmi Jhtejemo, ino so tudi perlogi, kadar jih drugim imenam perloshimo.*

¹⁴ В разделе синтаксиса на с. 129 вводится синонимичное наименование *doverſhen* ‘совершенный’ *nedoverſhen* ‘несовершенный’.

¹⁵ «Кроме того, они еще означают, является ли действие или его завершение полным и интенсивным, возможным, внезапным и стремительным, трудным, требующим усилий, и что это действие (незавершенное или завершенное) всегда дополняется или дополнено» (*Vuner sraven tiga ſhe pomenio, de al nih délanje al ſturjenjé je polno ino zélo, al filno ino možno, al naglo ino hitro, al teshko ino trudno, ino de vjelej ſvoje delo al ſturjenje al dopolnújejo al dopolnio*) (Vodnik 1811: 69).

настоящего времени от глаголов движения с приставкой *po-*, список которых он приводит, самостоятельно выражают будущее время. Также интересно варьирование имперфективных глаголов с суффиксом *-ije/-ova-*: *vtrujem — vtrovam, kupujem — kupovam*.

Небольшой раздел **словообразования** (с. 148–164) содержит детализированный обзор суффиксального образования существительных и прилагательных с указанием семантики, которую привносит суффикс, и полный перечень глагольных префиксов с подробной разработкой их значения.

Обширный раздел **синтаксиса** (с. 115–163) является первым в словенистике описанием синтаксических особенностей словенского языка. Рассмотрены типы синтаксических связей слов, функции различных частей речи, особенности порядка слов. Так, например, указаны сочетания прилагательных определенного семантического типа с именами в родительном падеже: *vesel dobre letine, kriv tatvine* ‘радуется хорошему урожаю, виновен в краже’, определены типы синтаксической связи с количественными числительными. Рассмотрено глагольное управление. Подчеркнута обязательность употребления родительного падежа вместо винительного при отрицании. Определены правила употребления полных и кратких (клитических) форм местоимений, место в предложении и порядок следования клитик в кластере. В параграфе 87 на с. 122 Водник, подчеркивая, что у словенцев нет артиклей с функцией показателя рода, приводит пример на смыслоразличительную функцию указательного местоимения *ta*: *Laban je imel dve hzeri, ta starejšhi je bilo ime Lia, ta mlajšhi pa Rahel* ‘У Лабана было две дочери, старшую звали Лиа, а младшую Рахель’, а в скобках — вариант с согласуемыми формами: *ti starejšhi — ti mlajšhi*. Формы без согласования скорее всего уже стали речевым узусом и отражают стадию преобразования местоимения *ta* в функции артикля в артиклевидную частицу, характерную сейчас для нелитературных разговорных идиомов Центральной Словении.

Особое внимание Водник уделяет страдательному залогу. Подчеркивая недопустимость употребления в пассивных предложениях наименований производителя действия в формах творительного падежа с предлогом *od*, пишет: «Наш страдательный залог употребляется очень редко и обычно только с именительным

падежом»¹⁶. В дополнениях к синтаксису, размещенных в предисловии (с. VII), дает страдательные конструкции с формами настоящего времени и частицей *se*: *sid se podéra* 'стена рушится'. Там же он рассматривает и неопределенно-личные предложения с частицей *se*: *Zhaft se dobí s' dobrim obnáhanjam* 'Честь можно заслужить только хорошим поведением'.

Описывая особенности функционирования форм настоящего времени от глаголов совершенного вида, Водник сравнивает их с греческим аористом и отмечает, что в словенском языке эти формы также обладают признаком временной нелокализованности и могут выражать значения всех трех времен¹⁷. Однако для настоящего времени приводит вместо обычного для словенского языка перформатива пример с глаголом движения: *Ravno zdaj pridem is Gorice ino ti pernefem to písmo* 'Я как раз сейчас еду (букв. приеду) из Горицы и везу (букв. привезу) тебе письмо'. Вместе с тем нельзя исключить, что такой тип видоупотребления был речевым узусом того времени. Характерно, что в XVI в. у протестантов в роли перформативов употреблялись глаголы *dati* 'дать', *poslati* 'послать' (Плотникова 2013: 292). Для временного плана прошедшего времени Водник приводит типичный пример, демонстрирующий противопоставленность видов в рамках настоящего исторического, подчеркивая при этом обычность употребления формы совершенного вида в устном нарративе «*navadna v' perpovdavnimiu govorenju*»: *Glej kai fe mi undan sgodi! Pred fhesh tedni pridem is ptujih deshél k' fvojmu bratu, ga priasno posdravim, mu písmu pernefem, ino prasham, zhe me posná. Rezhe, de ne. Tedaj ga objamem rekozh: moj brat! Kaj me ne posnash mene tvojga brata, ktirga tolko lét pogréfhah*¹⁸.

¹⁶ *Nafh terpivni salog je filno redek, ino li s' jamim imenvavnim padesham navaden.*

¹⁷ «Форма совершенного вида, не указывающая на конец действия, греки называют ее аористом, служит у нас для выражения всех трех времен» (*Sturivna podoba je neokonzhavniga pomena, ktirga Gréki aorist klizhejo, to je, nam ne okonzha, kdaj je rech sturjena, tedaj fluzhi sa vse tri zhase*) (Vodnik 1811: 129).

¹⁸ 'Смотри-ка, что со мной тогда случилось (букв. случится). Приезжаю (букв. приеду) я шесть недель назад к своему брату из чужбины, приветливо здороваюсь (букв. поздравляюсь) с ним, привожу ему (букв.

Значение будущего времени на с. 130 отмечено в составе придаточных изъяснительных с союзом *da* (*de*) и в условных с союзом *če* (*zhe*): *reci tvoji sestri, de jutri k' vam pridem — zhe k' nam pridešh, mi bo lubo* 'скажи своей сестре, что завтра я к вам приду — если ты к нам придешь, мне будет приятно'.

Рассматривая порядок слов в предложении, Водник отмечает, что в словенском языке, в отличие от других европейских языков, нет фиксированного порядка и в чем-то в этом отношении он близок латинскому языку. Однако при выборе первой позиции для слова в предложении надо руководствоваться тем, насколько важно это слово в предложении и что нужно подчеркнуть¹⁹. Например, в ответе на вопрос: *Kdo je Turka pobil? Rósi so Turka pobili*. 'Кто турка побил? Русские турка побили'. Здесь Водник снова отметил явление, которое позже в науке будущего будет рассматриваться в рамках теории актуального членения предложения. Необходимо подчеркнуть, что синтаксические особенности, рассмотренные в грамматике Водника, либо полностью совпадают с нормами современного словенского языка, либо лежат в их основе.

Лингвистическая **терминология** в тексте грамматики и терминологическом приложении (с. 168–188) отражает, с одной стороны, приверженность Водника к пуризму, с другой — его благосклонное отношение к заимствованиям из русского языка. Так, из «Российской грамматики» М. В. Ломоносова им были заимствованы, например, *glagol*, *predlog*, *narečje*, *slog*, *padež*, *lice*, а в несколько измененном виде названия падежей: *imenvaven* 'именительный', *rodiven* 'родительный', *dajaven* 'дательный', а также такие термины, как *sklanjanje* 'склонение', *naklon* 'наклонение'. Часть терминов Водника вошла в фонд современного словенского

привезу) письмо и спрашиваю, узнает ли он меня. Отвечает, что нет. Тогда я его обнимаю (*букв. обниму*), говоря: Мой брат! Как это ты меня не узнаешь, меня, твоего брата, которого тебе столько лет не хватало'.

¹⁹ «Не боясь сделать ошибку, мы можем на первую позицию в предложении ставить то слово, которое считаем важным и которое подчеркиваем» (*Brez straha pomóte lahko stavimo tisto besédo na prvi stopni, na ktiro polágamó vashnoft, mozh in potif*) (Vodnik 1811: 138).

языка без изменений, например *črka* 'буква', *glas* 'звук', *soglasnik* 'согласный', *pika* 'точка', *glagol* 'глагол', *deležje* 'деепричастие', *predlog* 'предлог', *spol* 'род', *stavek* 'предложение'. Другая часть была преобразована на словообразовательном уровне: *edinje* > *ednina* 'единственное число', *množno* > *množina* 'множественное число', *vez* > *veznik* 'союз', *prašaj* > *vprašaj* 'вопросительный знак', *prehajavni* > *prehodni* 'переходный', *velivni* > *velelnik* 'повелительное наклонение'. Отдельные термины были заменены на другие, например *perlog* > *pridevnik* 'прилагательное', *narečje* > *prislov* 'наречие', *namestimé* > *zaimék* 'местоимение'.

Говоря о грамматике в целом, следует отметить продуманную структуру текста, охват всех грамматических категорий и детализацию явлений, богатство иллюстративного материала, адекватность его интерпретации. Однако с некоторыми решениями Водника согласиться трудно. Так, неправомерна рекомендация не отражать на письме *j*, произносимый в флексии *-jo* в третьем лице мн. числа (*lubio* вместо *ljubijo*), неясна в отдельных случаях перетяжка ударения на первый слог (по образцу сербской акцентуации), например *bíla* вместо *bilá* (*l*-причастие ж. рода от глагола *biti* 'быть'). При описании некоторых категорий (напр., глагольного вида) нужна была дополнительная редакционная работа. Необходимость усовершенствования текста грамматики осознает и сам Водник. Он надеется на второе издание, об этом пишет дважды: в предисловии на с. VIII и в примере на употребление деепричастий на с. 140: «Я с трудом составил эту грамматику, со временем, внося исправления, мы ее усовершенствуем»²⁰.

7. Последние годы жизни Водника. Словенские школьные грамматики после Водника

После разгрома наполеоновских войск в России в 1812 г. и под Лейпцигом в 1813 г. Австрия 23 июля 1814 г. аннексирует Иллирийские провинции и вскоре запрещает школьные реформы. Водника, которому долго не могли простить сотрудничества с французскими

²⁰ *Téshkama sim to Pifmenoft vkup sgradil, zhařama in popravláje jo bomo spo-polnili.*

властями и его оды «Возрожденная Иллирия», под предлогом того, что он якобы был членом французской масонской ложи²¹ (членство в тайных обществах было австрийским школьным уставом запрещено), увольняют из гимназии, где он еще продолжал преподавать историю, географию и факультативно итальянский язык. Согласно указу императора Франца I от 26 декабря 1814 г., вступившему в силу в январе 1815 г., Воднику как политически неблагонадежному запрещалось любое трудоустройство в Иллирии, а за ее пределами нельзя было работать в учебных заведениях. Назначенная ему пенсия была мизерной. Последние годы жизни он в основном занимался переводами (перевел, напр., «Акушерство»), давал уроки греческого и латинского, совершенствовал свой словарь, писал стихи, которые издать не мог. 8 января 1819 г. Водник скоропостижно скончался.

В последующие годы о Воднике как грамматисте никто не пишет. На словенском языке издаются только буквари, а грамматика на немецком языке явственно отражают усиление тенденций регионализма. О Воднике вновь вспоминают накануне революции 1848–1849 гг., читают как национальный гимн его «Возрожденную Иллирию», которую десятилетиями запрещали публиковать.

Актуализируется как жанр школьная грамматика. Штефан Коцианчич в 1847 г. в Триесте переиздает его грамматику, но в очень сокращенном виде (59 страниц), без комментариев и почти без предисловия. Примечательно, что в разделе фонетики отсутствует тоническое ударение. В разделе морфологии в парадигме существительных мужского и среднего родов в Dsg и Lsg отражены флексии по образцу грамматики Копитара, а не Водника: *raku (i)* (Kociančič 1847: 7). Словообразование отсутствует, нет детальной разработки синтаксиса. Терминология Водника в основном сохранена. В этом же году в Граце издает свою грамматику для начальных школ (87 страниц) Йозеф Муршец. Он включает в раздел вокализма тоническое ударение Водника: «Гласные обычно произносятся долго или кратко. Долгий гласный высокий или низкий. Это мы

---

²¹ Членство Водника в масонской ложе документально не было подтверждено, его имени в списках членов не было (Kos 1990: 24).

называем ударением»²² (Muršec 1847: 4). Изменена терминология. Морфология частично опирается на грамматику Копитара. Имеются краткие очерки синтаксиса, словообразования, пунктуация, разговорные модели. В 1849 г. Франц Малавашич издает в Любляне обширную (176 с.) грамматику для начальных школ в городах и деревне. В ней также чувствуется влияние грамматики Водника: сохранена терминология, в Dsg и Lsg представлена только одна флексия *-u*: *rak-u*, *let-u* (Malavašič 1849: 10).

После мартовской революции и принятия программы «Объединенной Словении» начинается новая эпоха в истории словенского литературного языка, школьная грамматика отражает уже формирование новых, единых для всех словенских земель норм литературного стандарта.

8. Заключение

Грамматика Водника является не только первой школьной грамматикой на словенском языке, но и самым полным описанием словенского языка на всех языковых уровнях. В ней решается одна из самых актуальных задач того времени — освобождение словенского языка от напластований синтаксических германизмов, ошибок в согласовании и управлении, развитие речи на основе собственно словенских моделей. В этом смысле грамматика носит ярко выраженный прескриптивный характер. В морфологии Водник опирается на центральнословенские формы. Заметна тенденция не давать в парадигме переменных флексий, особенно при отсутствии признаков их дифференциации. Списки вариантов даются в комментариях. Это указывает на определенную позицию автора — литературную норму словенского языка необходимо стандартизировать, унифицировать. В этом, как и в своих открытиях, Водник на несколько десятков лет опережает своих современников. Своей многогранной деятельностью Водник расширил функциональный диапазон словенского литературного языка, обогатил его лексический фонд, скорректировал синтаксический строй

---

²² *Glasniki so po navadi kratko izrekujo ali bolj na dolgo. Dolgši glas je višji ali nižji. Mu velimo naglas.*

и тем самым не только «заложил здоровую основу» (Toporišič 1987: 30) для дальнейшего развития словенского языка и литературы, но и стимулировал это развитие.

Литература

- Плотникова 1978 — *Плотникова О. С.* Становление словенского литературного языка в период национального возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков / Под ред. С. Б. Бернштейн и др. М.: Наука, 1978. С. 329–353.
- Плотникова 2013 — *Плотникова О. С.* Перформативы в словенском литературном языке XVI века // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии / Под ред. М. Л. Ремнева и др. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 291–293.
- Чуркина и др. 2011 — *Чуркина И. В. и др.* История Словении. СПб.: Алетейя, 2011.
- Ahačič 2015 — *Ahačič K.* Tipologija slovenskih slovníc // Slovnica in slovar — aktualni jezikovni opis. 1. del. Simpozij OBDOBJA 34 / Ur. M. Smolej. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2015. S. 15–30.
- Kidrič 1929 — *Kidrič Fr.* Zgodovina slovenskega slovstva od začetkov do marčne revolucije. Ljubljana: Slovenska matica, 1929.
- Koruza 1977 — *Koruza J.* Spremna beseda // Pisanice od lepeh umetnost / Ur. J. Koruza. Ljubljana: Mladinska založba, 1977. S. 3–54.
- Kos 1990 — *Kos J.* Valentin Vodnik. Ljubljana: Partizanska knjiga, 1990.
- Leksikoni 1982 — Leksikoni Cankarjeve založbe. Slovenska književnost / Ur. J. Kos, K. Dolinar. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1982.
- Merše 1995 — *Merše M.* Vid in vrstnost glagola v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja. Ljubljana: SAZU, 1995.
- Merše 2003 — *Merše M.* Slovenska leksikografija in leksikologija v zgodovinski perspektivi // Славянская лексикография / Под ред. М. И. Чернышовой. М.: Азбуковник, 2003. С. 217–251.
- Modic 1909 — *Modic I.* Vodnik kot jezikoslovec // Dom in svet. 1909. 22/9. S. 414–421, 446–453, 495–500.
- Plotnikova 2013 — *Plotnikova O.* Fran Miklošič in normiranje slovenskega knjižnega jezika // Družbena funkcijskost jezika (vidiki, merila, opre-

- delitve). Simpozij OBDOBJA 32 / Ur. A. Žele. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2013. S. 307–312.
- Pogorelec 2011 — *Pogorelec B.* Zgodovina slovenskega knjižnega jezika. Jezikoslovni spisi. Knj. 1. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, 2011.
- Prijatelj 1911 — *Prijatelj I.* Sloveščina pod Napoleonom. K stoletnici Ilirije oživljene // Veda 1. 1911. S. 27–37, 125–137, 223–287, 320–337, 584–600.
- Prijatelj 1935 — *Prijatelj I.* Duševni profili slovenskih preporoditeljev. Ljubljana, 1935.
- Ramovš 1971 — *Ramovš Fr.* Zgodovina slovenske slovnice // Fran Ramovš. Zbrano delo. Knj. 1 / Ur. T. Logar, J. Rigler. Ljubljana: SAZU, 1971. S. 213–250.
- Toporišič 1987 — *Toporišič J.* Valentin Vodnik // Portreti, razgledi, presoje / Ur. H. Vogel. Maribor: Založba Obzorja, 1987. S. 17–31.
- Wiesthaler 1890 — Valentina Vodnika Izbrani spisi / Ur. Fr. Wiesthaler. Ljubljana: Matica slovenska 1890.

Источники

- Gutsman 1777 — *Gutsman Ožbalt.* Windische Sprachlehre. Klagenfurt: Ferdinand Edlen, 1777.
- Kopitar 1808 — *Kopitar Bartholomäus.* Grammatik der Slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyemark. Laibach: Wilhelm Heinrich Korn, 1808.
- Kociančič 1847 — *Kociančič Štefan.* Vodnikova Krajnska pismenost okrajšana za male šole. Terst: Štefan Kociančič, 1847.
- Malavašič 1849 — *Malavašič Franc.* Slovenska slovnica za prve slovenske šole v mestih in na deželi. Ljubljana: Janez Giontinit, 1849.
- Muršec 1847 — *Muršec Jožef.* Kratka slovenska slovnica za pervence. Gradec: Lajkamovi nasledniki, 1847.
- Pohlin 1768 — *Pohlin Marko.* Kraynska Gramatika. Laibach: Janez Frederik Eger, 1768.
- Vodnik 1811 — *Vodnik Valentin.* Pifmenoft ali Gramatika sa Perve Shole. Lublana: Leopold Eger, 1811.
- Zagaišek 1791 — *Zagaišek Mihael.* Slovenska gramatika: oder Georg Sellenko s Wendische Sprachlehre in deutsch und wendisches Vortlag. Zilli: Franc Jožef Jenko, 1791.